

Тонкие нити

Тору Мотидзуки

Время, после его решения закончить отношения с Яреци, словно превратилось в один бесконечный день, не собирающийся заканчиваться несмотря на все его трепыхания. Тору все так же ходил на работы, занимался воспитанием дочери, договариваясь с ее матерью о всех необходимых моментах по телефону, решал вопросы с квартирой, продав старую и переселившись с Кимико в небольшую квартирку в другом районе. Хотя половиной оставшихся после продажи денег, причитающихся Яреци, та так и не воспользовалась, вернув их отцу, что, естественно, было ее правом. Его же совесть в этой ситуации могла быть чиста, поскольку он не выгонял жену, оставляя ее без гроша в кармане, как если бы ни признавал ее вклада в семью за время их совместной жизни. И все было бы не так и плохо, если бы не постоянное чувство пустоты и ощущение, что все его старания не имеют особого смысла, не оставляющие Тору на протяжении последнего времени.

В какой-то момент ему показалось, что немного легче станет после приезда Морриса, с которым им удалось сохранить хорошие отношения, но тот надолго в Пекине не задержался, спросив разрешение на пару недель забрать с собой Кимико в Японию. И пусть Тору тяжело было расставаться с дочерью, посчитав, что смена обстановки пойдет ей на пользу, и согласовав этот момент с Яреци, мужчина все же согласился, на какое-то время оставшись в своей квартире в одиночестве. И, здесь, только усугубляя накатившую тоску, последовало приглашение по факту бывшей жены посетить выставку, словно он был готов пойти и делать вид, что все забыл и может общаться с ней просто как со своей хорошей знакомой, которую пришел поддержать в важный для нее день.

Вместо этого Тору пошел в бар с парочкой своих коллег и просидел там до самого позднего вечера, постепенно набравшись до практически невменяемого состояния. Как он потом оказался в такси, мужчина не запомнил, как, собственно и саму поездку, начиная с названного им адреса. Но, кое-как расплатившись, он все-таки смог выбраться из машины и добраться до квартиры, чтобы уже очень скоро убедиться в том, что дверь не открывается несмотря на все его старания. Не помогли стук и звонки, словно квартира была пустой и нежилой, чего, как казалось Тору, быть просто не могло, а потому, не очень хорошо понимая, что делает, он вытащил из кармана телефон, набрал номер Яреци и, дождавшись ответа с той стороны, растерянно проговорил: "Я не могу домой попасть..." После чего сел прямо на лестничной площадке, прислонившись спиной к холодной двери и даже не пытаясь разобрать, говорят ему что-то в ответ или нет.

Яреци Фернандез

Официальная часть подошла к концу, заканчивалась и неофициальная часть, но приглашенные на мероприятие не планировали уходить. Солисты ансамбля "Gypsy Kings", которые были приглашены, пили с победителями конкурса, и Яри, занявшая третье место, была с ними. Было очень весело, интересно и спокойно. Она допивала третий бокал вина и участвовала в разговорах, и не думала о будущем. В этот день не хотелось думать о том, что у нее есть сертификат на учебу. Она не

была уверена, что может бросить любимых людей, которые... Кимико ждала ее, но сейчас она с ее папой в Японии, папа познакомил внучку с новой девочкой, и, кажется, Кимико и приемная дочь нашли общий язык.

Снова она вспомнила об этой разнице в возрасте. И попросила налить еще вина, за что удосужилась недовольного взгляда дяди.

А потом дядя пригласил ее танцевать, и их пара казалась самой хорошей и лучшей. Девушка не вспоминала о Тору. Она была счастлива.

Когда она стояла на балконе и смотрела на проезжавшие мимо машины, раздался звонок телефона. Глядя на номер звонившего, она вздохнула. Может, что-то срочное? Хотя если бы что-то случилось с Кимико или папой, то ей бы первой позвонили. Хотя кто знает. Раз папа просто смс-сообщения шлет ей...

- Да?

Тору ответил что-то непонятное. По голосу он был очень пьян, и девушка хмыкнула. Но само сообщение давало повод переживать. Он не может попасть домой. Вряд ли он пытался придти к ней в квартирку или потерял ключи от своего дома. Значит, он сидит там, где они жили раньше.

- Дядя, вы не могли бы отвезти меня к Тору? Он на нашей старой квартире, и мне показалось, что он очень пьян.

Рикардо молча кивнул, и через полчаса, развезя подруг Яреци по домам, Яреци поднималась на этаж. Около двери сидел или даже полулежал Тору.

- Тору, - сказала она, присаживаясь около него на корточки.

Тору Мотидзуки

Какое-то время Тору просто сидел, держа в одной руке телефон, а потом постепенно начал отключаться, погружаясь в вязкое нечто, как это нередко бывает с людьми, перебравшими алкоголя. И все его попытки сопротивляться этому отвратительному состоянию так и не привели ни к каким положительным результатам, поскольку сознание в определенный момент все-таки уплыло и не возвращалось ровно до тех пор, пока откуда-то издали не раздался знакомый голос. И прилагая невероятные усилия, Тору все-таки смог открыть глаза, пытаясь сфокусироваться на женском лице, чьи черты он в любом состоянии мог отличить от других.

- Яреци... Прости. - Тору плохо понимал за что именно извиняется, но во всей этой ситуации было что-то дико неправильное, пусть в своем нынешнем состоянии он не мог сообразить, что именно. - Ты красивая.

Последняя фраза, вырвавшаяся как-то сама собой, казалось, забрала последние силы, и после нее Тору замолчал, с трудом переводя взгляд с Яреци на свои ботинки, почему-то начиная думать о том, что они слишком грязные, и будь у него силы, он бы выбросил их куда подальше. Но этих самых сил не имелось, поэтому мужчина просто продолжал сидеть в том же положении, надеясь, что кто-нибудь,

наконец, отключит раздражающий шум в ушах и просто не будет трогать, оставив тихо мирно помереть на том месте, где он сейчас находился.

Яреци Фернандез

Тору произнес что-то нечленораздельное, точнее, она не особо поняла, что это было. Он извинился, а потом назвал ее красивой. Она не знала, согласиться с этим или опровергнуть, но подумала, что пока не стоит акцентировать на это внимание. А еще она подумала, что надо как-то дотащить его до дома. Только вот адрес, где он жил, она не знала. Точнее, она не знала название улицы. Помнила, что нужно из метро проехать одну остановку и пройти несколько метров, повернув направо.

Дядя может довезти Тору на машине до ее дома. А там... пока неизвестно, что будет.

- Конечно, красивая, - сказала девушка, глядя мужа по голове. - И я хочу, чтобы ты меня так называл, только... давай не здесь? Мы... уже не живем здесь, любимый. Мы живем в другом месте, - говорила она, а сама гладила его по голове, запускала пальцы в его родные волосы и не знала, что делать.

По идее, нужно было помочь ему подняться, а потом усадить в машину. Она встала на ноги и наклонилась, чтобы попытаться поднять мужа.

Тору Мотидзуки

Судя по тону Яреци и ее нежным прикосновениям, она явно желала ему добра. Хотя сейчас Тору не мог воспринимать ее слова или действия адекватно. Больше всего ему хотелось, чтобы его никто не трогал и не пытался пошевелить, позволяя остаться на своем месте кучкой ветоши. Наверное, откройся тогда дверь, и он бы разлегся где-нибудь в коридоре или даже сумел доползти до кровати. Но раз этого не произошло, приходилось довольствоваться местом рядом с дверью, которое, по сравнению с перспективой шевелиться, казалось не таким и плохим.

- Ничего. Я немного посижу... полежу здесь. - Губы и язык слушались плохо, и незамысловатые несколько слов Тору удалось выговорить далеко не с первого раза. - А потом обязательно встану.

На попытку Яреци его поднять мужчина ответил недовольным мычанием. Данная идея ему совершенно не нравилась, но возможностей выразить свое недовольство имелось не так уж и много, и все они, преимущественно, сводились к издаванию нечленораздельных звуков, поскольку шевелиться Тору не хотелось совершенно. Даже чтобы как-то избавиться от навязчивой заботы.

Яреци Фернандез

Мужчина не желал вставать, и девушка отпустила его и вздохнула. Взвалить его на плечо она физически не могла, ибо не Халк она, а кричать и давить на него она не умела. Она была мягким человеком, заботливым, но не умела кричать и делать что-то, чтобы отрезвить человека. В первый момент у нее появилось желание вставить ему в рот два пальца, но потом она решила, что это будет неправильно. За такое он точно никогда не простит ее. Это же унижительно, а мужчины не привыкли быть в

таком состоянии и тем более показывать это женщинам или посторонним.

- Ох, Тору. И что мне с тобой делать? - Спросила девушка, когда мужчина решил остаться здесь. Она не могла ему позволить оставаться здесь, а никаких других идей у нее не было.

Она отошла от него и позвонила дяде.

- Дядя, там Тору... он... он напился и не хочет никуда идти, - сказала девушка.

Рикардо Агирре

Рикардо Агирре сидел в машине и думал о том, что завтра вечером он улетит к своим родным. Утром он отправит отчет королеве, а его еще надо написать. И вот вместо того, чтобы его писать, он сидит в машине и ждет, когда племянница разберется со своим пока еще мужем.

Конечно, она сама не могла разобраться с этим, и Рикардо, выслушав ее, вышел из машины и направился в подъезд. На лестничной клетке у двери были двое - пьяный Тору, который полулежал, и племянница с растерянным видом. Вид Тору напомнил ему Мануэля, и он болезненно поморщился. Мануэль с тринадцати лет напивался, потом попадал в разные передраги, и Рикардо приходилось его вытаскивать. И от этого могла страдать его репутация. Сейчас его репутация не пострадает, но он может задеть достоинство этого японца.

- А я думал, что он коньки отбросил, - небрежно буркнул мужчина. - Тряпка. Ты думаешь, что эта хрупкая девочка будет тебя тащить на себе? Сейчас же вставай и иди сам, иначе твоя жена тебя тут оставит! Ты бросил ее, когда ей нужна была помощь, а сам, нажравшись как последняя свинья, сразу ей позвонил. Да вы жалок, сеньор Мотидзуки. - Прошипел мужчина и наклонился, чтобы поднять этого пьяницу с пола.

Тору Мотидзуки

Голоса, что-то от него желающие, больно резали слух. И если мягкий женский он еще был готов воспринимать, то резкий мужской заставил его скривиться. Почему-то его не хотели оставить в покое. Да и еще пытались напугать тем, что бросят там, где он сейчас лежал, будто сам он сейчас больше всего на свете не хотел именно этого. И если бы не дурацкие попытки его поднять, Тору бы постарался не обращать внимание на неприятные слова, направленные в его сторону, половину из которых он толком не разобрал.

- Я сам, - мужчина попробовал вяло отмахнуться от сеньора Агирре, к которому раньше относился нейтрально, но который сейчас откровенно его бесил. - Сказать было проще, чем выполнить, но, собрав всю волю в кулак, чтобы, наконец, прекратить издевательства, дав мучителям то, что они хотят, Тору все-таки смог приподняться, старательно опираясь на дверь. Но, как оказалось, подняться на ноги было еще не самым сложным делом, поскольку впереди его ждала необходимость как-то эти ноги переставлять, что получалось намного хуже. Да и передвигаться приходилось держась за стену, о которую он успел неплохо так обтереть свой костюм.

Мобильный, про который Тору совершенно забыл, остался валяться на лестничной площадке. Но мужчина даже и не думал поворачивать голову в его сторону. У него имелась только одна задача - дойти туда, куда хотели голоса, и возможно тогда они собирались наконец от него отстать, подарив долгожданный покой.

Яреци Фернандез

- Дядя, что вы такое говорите! Он не какой-нибудь алкоголик, он просто выпил лишнего, - фыркнула девушка, залепив дяде пощечину, когда тот отошел от Тору. - Я просила вас помочь ему, а не обвинять его! Вы не имеете права влезать в нашу жизнь и отчитывать его как какого-то мальчишку. Хотите отчитать кого-то - проваливайте и отчитывайте своего сына!

Она снова дала ему пощечину, а потом подошла к мужу и перекинула его руку через свое плечо. Ее всю трясло из-за слов дяди. Не потому, что он унижил достоинство Тору, а потому что был прав - Тору не пришел, когда ей нужна была помощь. Она никогда больше не будет его просить о помощи, да и за эти долгие месяцы ни разу не позвонила ему без повода. Только три дня назад, накануне выставки. Она просто хотела, чтобы он пришел. Она знала, что если Тору понадобится помощь, то она придет. Она всегда будет следить за его нитью судьбы, с помощью прорицаний или нет, но всегда придет ему на помощь.

Они вышли из подъезда, и девушка посмотрела на машину. Хотела сначала вызвать такси, но ей стало страшно.

- Дядя, я... вы довезете нас? - Спросила она заливаясь краской смущения.

Рикардо Агирре

Гневная тирада девушки и последовавшая за ней пощечина, даже две, заставили его хмыкнуть и прислонить ладонь к щеке. Потом он провел пальцами по подбородку и снова хмыкнул. Нужно побриться. Последнее время слишком быстро растет щетина, и Фоксу не нравится, когда он его целует. А Джулия говорит, что ему идут усы, борода и бакенбарды. Нет, все равно надо побриться. А то Лети придумает, к чему еще придраться, и тогда он точно не сможет отвязаться от поездки в Испанию. А ему туда ой как не хочется. Кто бы знал, как ему не хочется после сорока лет занятий внешней политикой влезать во внутренние проблемы. Человек не может знать все и разбираться во всем. И Рикардо Агирре был слабым звеном именно в этом вопросе. А он привык быть сильным.

Тору встал, и девушка стала помогать ему спускаться. Рикардо поднял телефон, а потом спустился следом за ними, надеясь, что им не придет в голову падать с лестницы. Не пришло, к его счастью. Зато Яреци пришла в голову "гкниальная" мысль, чтобы он довез их до дома.

Он помог им сесть в машину, потом назвал водителю адрес и снова задумался. А потом помог племяннице довести своего благоверного до квартиры, отдал ей мобильный телефон и ушел.

Тору Мотидзуки

От помощи Яреци Тору тоже попытался отказаться, дернувшись в сторону и въехав в стену, что немного поумерило его пыл. И, в итоге, с необходимостью опираться на девушку он все-таки смирился, худо-бедно перемещаясь к неизвестной ему цели. А затем снова была поездка за время которой Тору попытался заснуть, но был безжалостно вырван из объятий Морфея, когда его начали вытаскивать из машины. И очередное перемещение, на этот раз в какую-то квартиру, прихожую которой Тору не узнал, несмотря на свои попытки сфокусировать взгляд на обстановке.

- Мы уже пришли? - спросил мужчина, где-то на задворках сознания понимая глупость своего вопроса. Вероятность того, что его выведут из квартиры и заставят снова куда-то идти была чем-то из разряда фантастики, если не списывать все на безумие его провожатых.

- Можешь оставить меня прямо здесь. - Перемещения успели Тору настолько надоесть, что он вполне бы согласился и на место где-нибудь в прихожей, если на этом его сегодняшние приключения должны были закончиться. Что же до остального, с этим он собирался разобраться потом, счастливо не осознавая, как будет себя чувствовать физически и морально на следующее утро.

Яреци Фернандез

Девушка впустила своего мужа в квартиру и покачала головой, когда он сказал, что он может остаться здесь. Ей не хотелось, чтобы ее пока еще муж ночевал в коридоре. Если бы ей было все равно, где он останется после попойки, то она бы не стала тревожить дядю, а просто ушла бы от Тору. Но ей не было все равно. Наверное.

- Еще несколько шажочков, и тебя будет ждать уютная кровать, - сказала она, ведя его в спальню. Усадила на кровать и стянула с него пиджак, а потом сняла галстук. Расстегивая пуговицы на его рубашке, она случайно дотронулась пальцами до его разгоряченного алкоголем тела и вздрогнула. Вспомнила объятия этого коллекционера, и сглотнула. Сейчас совсем не время возвращаться к тому, что было. Это прошло, нужно жить дальше. И с Тору уже тоже все прошло. Она будет его любить, сохранит самые лучшие воспоминания, но постарается не дотрагиваться до него, чтобы не возбуждаться самой.

Сняв с него рубашку, она посмотрела на мужа и уложила его на кровать. Помогла ему снять брюки и обувь, а потом укрыла одеялом и, повинувшись какому-то порыву, поцеловала его в висок. А после покинула комнату и ушла на маленькую кухню, где иногда проводила время с Кимико, обсуждая что-то.

Хотелось спать, но она не была уверена, что будет правильным лечь спать рядом с мужем. Поэтому она просто переоделась в домашнюю одежду и села за стол. Откинулась на спинку стула и закрыла глаза. Сегодня был чудесный вечер, и закончился он достаточно интересно. Она не знала, что будет дальше, но была уверена, что все делает правильно.

Тору Мотидзуки

В прихожей ему остаться так и не дали, потащив куда-то дальше, но силы и желание сопротивляться у Тору иссякли уже давно. Так что очень скоро мужчина оказался на кровати, на которую ему опять же не разрешили просто завалиться, заставляя снимать с себя одежду. Но, так или иначе, проявления заботы подошли к своему логическому завершению, и Тору, наконец, смог погрузиться в глубокий сон.

Когда мужчина проснулся, на улице еще было темно. И первым, что он почувствовал, стала дикая жажда, заставившая его оторвать голову от подушки и осмотреться. Тору не сразу понял, где находится, а сообразив, благодаря отрывистым воспоминаниям, захотел только одного - вот прямо здесь и помереть, чтобы не терпеть подобного позора. Но, как это нередко бывает, жажда оказалась сильнее желания расстаться с никчемной жизнью, вынуждая медленно слезть с кровати и направиться на кухню.

На удивление, кроме небольшой головной боли и дикого желания влить в себя несколько литров воды, в остальном его самочувствие можно было назвать вполне сносным, а потому до кухни Тору добрался без каких-либо трудностей, обнаруживая там спящую Яреци. И от вида девушки, которой пришлось засыпать на стуле, проложив голову на кухонный стол, ему стало еще противнее, поскольку в подобном положении вещей виноват был только он, заняв единственную кровать.

- Ну вот куда это годится? - пробормотал Тору, но первым делом нашел кружку, налил в нее чистой воды и быстро опустошил до дна. Стало немного легче, особенно после того, как за первой кружкой последовала вторая, постепенно возвращая его в человеческое состояние.

- Ну вот, а теперь и все остальное. - Тору подошел к Яреци, недовольно покачал головой, а потом чуть отодвинул стул, чтобы стащить девушку с предмета мебели, к которому она чуть ли не прилипла и взять на руки. Он догадывался, что подобное перемещение, скорее всего, ее разбудит, но, считая, что хотя бы пара часов в нормальном горизонтальном положении в ее случае просто необходима, решил рискнуть, прижав теплое, показавшееся ему каким-то слишком легким тело к себе и отправившись с ним в сторону кровати.

Яреци Фернандез

Сон пришел внезапно, и снова не было никаких сновидений. Она просто провалилась в сон, не обращая внимания на то, что она сидит на кухне за столом.

И все было хорошо, но из сна ее выдернуло что-то. Сначала звук льющейся воды, а потом девушка почувствовала, что ее взяли на руки. И запах. Станный запах, который стал отчетливее, когда она проснулась окончательно. От Тору был отвратительный запах перегара, и первым делом девушке захотелось влить в его рот весь тюбик зубной пасты. Но это означало, что объятия закончатся. А ей не хотелось прерывать объятия, и она соскучилась по сексу и обнимашкам. Ведь кроме мужа она больше ни с кем не обнималась.

- Фу, ты отвратительно пахнешь. Тебе надо не меня таскать, а выпить горячего чаю и привести себя в порядок, - сказала она, глядя на него и поцеловав его в уголок губ. Обхватила руками за шею и прижалась к нему.

Тору Мотидзуки

Тот факт, что Яреци проснулась, Тору особенно не удивил, а вот ее дальнейшие действия моментально вывели мужчину из его и без того хрупкого равновесия. По поведению девушки и сказать было нельзя, что они уже не живут вместе, и что их брак сохраняется пока только на бумаге. Она, как и раньше, высказывала ему за неприятный запах, да еще и обнимала за шею так, как это обычно делает женщина по отношению к своему мужчине. И от этого Тору стало как-то совсем не по себе, поскольку он плохо помнил, как оказался в квартире Яреци и не понимал, чем вызвано такое количество ласки в его адрес. К последней у него имелись свои вопросы, поскольку объятия, прикосновения губ и тепло женского тела вызывали совсем не те мысли и чувства, которые были уместны с учетом их нынешних отношений с Яреци.

- Тебе надо отдохнуть, - пробормотал он, кладя девушку на кровать и быстро отстраняясь, что сильно смахивало на позорное бегство. - А я с твоего позволения воспользуюсь душем.

Ответа Тору не дождался, сразу бросившись туда, где, по его расчетам должна была находиться ванная комната. Естественно, о таких мелочах, как наличие полотенец или вещей, которые можно было на себя потом надеть, Тору, по старой доброй традиции, даже не задумался, предпочтя включить воду и практически сразу залезть под прохладные струи воды. О чем и как он будет говорить с Яреци после того, как вылезет, мужчина представлял слабо. Но в одном он был уверен - перед девушкой стоило извиниться за его во всех отношениях неподобающее поведение и постараться как-то возместить ущерб, связанный с ночными хлопотами.

Яреци Фернандез

- Я уже поспала, - вяло ответила девушка, посмотрев на часы. Было четыре утра, через полчаса зазвенит будильник, и надо будет собираться на работу. А потом она пойдёт в институт, затем снова на работу в антикварный магазин. И приползёт домой, чтобы заниматься учёбой. С этими конкурсами и выставками она совсем не занималась учёбой, и китайский язык был далёк от совершенства. Надо было его подтянуть. И китайскую литературу тоже. Прочитать что-то, кажется, об учении Конфуция. И кажется, это надо подготовить к завтрашнему дню. Она вздохнула.

Тору опустил её на диван, а сам ушёл в душ. Девушка немного посидела на диване, а потом достала большой банный халат бордового цвета, который она стащила из той квартиры, где жила после расставания с Тору. Этот халат был большой, а самое главное, он был мужским. Достав ещё и полотенце, она зашла в ванную комнату и, стараясь не смотреть на Тору, положила на стиральную машинку вещи, собрала его одежду, аккуратно сложила и положила туда же. А потом вышла на кухню. Поставила чайник и стала разбирать свою сумку. Вытащила сертификат на обучение и слабо улыбнулась. Она была счастлива. Не тому, что у неё есть возможность уехать учиться в другое место, а тому, что смогла чего-то добиться. Всё-таки третье место - это тоже хорошо.

Чайник закипел, и она насыпала себе кофе и задумалась о том, что будет дальше. Тору выйдет из ванной, и она не имела представления, чего будет дальше. Но одно

она знала точно - она не хотела, чтобы он уходил. Но она не будет его удерживать. Наверное, выпитый вчера алкоголь, эйфория от участия в конкурсе заставили её пересмотреть всё прошлое. Она должна двигаться дальше, но она не поедет учиться, хоть и соблазнительно это всё выглядит. Потому что Тору никогда не уедет вместе с ней, а Кимико... наверное, ей будет проще остаться с папой, чем с ней. Потому что Кимико знает только китайский, а испанский ещё надо будет учить. Она вздохнула и зевнула. Ладно, посмотрим, как дело обернётся...

Тору Мотидзуки

На вторжение в ванную Яреци с полотенцем и другими вещами Тору резко дернулся, хотя ничего нового и неожиданного девушка в любом случае бы не увидела. Да она и не смотрела, оставив вещи и скрывшись где-то в районе кухни или комнаты, что Тору мог проверить, только выйдя из ванной. Но, в любом случае, спать она уже не собиралась, не позволяя ему оставить записку с извинениями и уехать к себе домой, своим присутствием не беря раны, которые так и не смогли зажить.

Любезно принесенным полотенцем Тору воспользовался, а вот халат трогать не стал, нацепив на себя свою не самым лучшим образом пахнущую одежду, которую следовало помянуть сразу, как появится такая возможность. Но сначала ему стоило извиниться перед девушкой, что он и собрался сделать, выйдя из ванной и остановившись в проходе, ведущем на кухню.

- Яреци, прости меня. - Тору уже давно не приходилось просить прощения, и соответствующие слова давались мужчине с некоторым трудом. - Я поступил отвратительно. И из-за меня ты не смогла ни как следует погулять после выставки, ни нормально отдохнуть.

Судя по какому-то обрывистому воспоминанию, когда Яреци появилась рядом с ним, то выглядела отлично, из чего Тору сделал вывод, что ей удалось начать жить той жизнью, которой она хотела и которую по ряду причин не могла себе позволить, пока они были вместе.

Яреци Фернандез

Как она и ожидала, Тору не воспользовался халатом, нацепив на себя свою одежду, и девушка качнула головой. Он всегда был таким, упрямым до мозга костей. Ему было легче одеться в старое и грязное, чем воспользоваться помощью. Это уже не исправить, как и то, что происходило раньше, из-за чего произошли все эти проблемы. Если бы он только знал, как ей было скучно и тяжело без него. Она не была уверена, что и ему это всё далось с лёгкостью, но Кимико как-то сказала, что папа иногда грустный и очень много устаёт. Она старалась не выглядеть грустной, забирая к себе Кимико, игра с ней, но на самом деле ей тоже было тяжело.

- И ты меня тоже прости. Точнее, моего дядю, если он задел тебя за живое и оскорбил, - невозмутимо ответила девушка и посмотрела на мужа. Указала рукой на стул и встала, чтобы налить ему крепкий чай, как он любит. - Выпей хотя бы чаю. В таком состоянии я тебя всё равно никуда не отпускаю, можешь воспользоваться гостеприимством.

Она усмехнулась, вспомнив одну песню российского барда, которого одно время очень уважал папа. Сейчас ситуация была очень похожа, и пусть Тору не был её соседом, а в соседней комнате не спала Кимико, почему-то стало как-то тепло. Пить они, конечно, с ним не будут, но поговорить можно. Если, конечно, будет о чём.

- Про выставку не волнуйся, я всё равно собиралась уже уходить, - сказала, она, посмотрев на него и опустив глаза в кружку с кофе.

Тору Мотидзуки

- Да меня мало волнует, что там говорил твой дядя, - устало ответил Тору. По большому счету он и не помнил толком слов Рикардо Агирре, которые ему, вроде как, не понравились. И сейчас не хотел возвращаться к этой теме, в очередной раз напоминая себе, в каком безобразном состоянии его нашла жена.

Против предложения выпить чаю Тору выступать не стал, посчитав, что споры здесь неуместны. Естественно, реши он уйти прямо сейчас, и Яреци не смогла бы его остановить, но подобное поведение казалось мужчине недостойным со всех сторон, поэтому он тихо сел на указанное место и стал ждать пока перед ним появится обещанный крепкий чай, который должен был окончательно вернуть его в нормальное физическое состояние.

- Все прошло благополучно? - На извинениях набор слов, которые Тору был готов сказать практически иссяк, поэтому он постарался уцепиться за относительно нейтральную тему, чтобы не сидеть в тягостном молчании. В принципе, он и так не сомневался, что у девушки все прошло хорошо, как на самой выставке, так и после. По крайней мере до того момента, как ей не пришел ехать и разбираться с пьяным телом, которое самым позорным образом не смогло добраться до своей квартиры, воспользовавшись тем, что мозг уснул и попытавшись снова ухватиться за прошлое, к которому не было возврата.

Яреци Фернандез

- Вот и отлично, что тебя это не волнует, - ответила девушка, улыбнувшись. Сама она не хотела это оставлять просто так, решив потом позвонить ему и высказать всё, что о нём думает. Хотя если бы не он, то Яреци вряд ли бы смогла вообще поехать за Тору. Потому что после того случая она боялась не только обниматься с кем-то, но и находиться наедине с посторонним человеком. Потому что она всё ещё боялась, что Дженинг не погиб, или кто-то из сектантов избежал наказания, и могут её найти и убить. Это было очень страшно, но, как это ни парадоксально, из-за этого она смогла написать эти картины, вложить в них свою душу, эмоции и надежды, и получить третье место. Не из-за того, что поссорилась с Тору, а вот из-за всего этого шлака, которым наполнилась их жизнь...

Это был как нарыв, который прорвался. Она жалела о многом, но сейчас, глядя на мужа, пока ещё не бывшего, она понимала, что должно было что-то произойти, чтобы когда-нибудь они сидели за столом в маленькой квартирке и пытались о чём-то поговорить.

- Да... всё прошло хорошо, - сказала она, совершенно не зная, о чём говорить. А если он сейчас допьёт чай и уйдёт? Нет, она его не будет удерживать. Не будет

говорить, что ей скучно, плохо и одиноко без него. - Я... соскучилась, - вырвалось у неё, и она прикрыла глаза. А потом снова посмотрела на мужа.

Тору Мотидзуки

Они уже очень давно не разговаривали просто так, на темы не касающиеся Кимики. И, как оказалось, связывать обратно разорванные ниточки было очень и очень непросто, о чем прекрасно говорило неловкое молчание, пришедшее на смену банальным фразам. Но когда за молчанием последовали слова Тору пожалел, что тишина не может быть вечной, поскольку от простого признания его грудь пронзило такой болью, что, казалось, в ней снова застряла пуля.

Что ответить на попытку донести до него чувства Тору не знал, чувствуя себя последним идиотом. Сказать, что тоже скучал, он не мог никак, боясь сделать им обоим только больнее, а потому принялся сосредоточенно смотреть в свою чашку, словно пытаясь найти ответы в ее содержимом.

- Я действительно был таким плохим мужем, что жизнь со мной стала невыносимой?
- Вопрос сорвался с его губ до того, как Тору успел его осознать. И хоть мужчина тут же пожалел о сказанном, забрать слова обратно не имелось возможности, а потому он просто оторвал взгляд от чая и перевел его на Яреци, ожидая ответа. Заданный вопрос беспокоил его давно, но именно признание девушки, напомнившее о том, что было утеряно, вызвало острое желание его задать, которому Тору так и не смог сопротивляться.

Яреци Фернандез

- Да нет, это... - она запнулась, закусив губу. Сказать, что это все она виновата она не могла. Точнее, она могла, но тогда это приведет к тому, чем все закончилось - он уйдет от нее, оставив кружку с чаем, на которой останется еле уловимый его запах. И в следующий раз они встретятся только по поводу Кимики.

Она не знала ответ на этот вопрос, и молчание затягивалось. Она вздохнула и допила свой кофе

- Наверное, мы оба были в чем-то виноваты. Но... может, попробуем начать все сначала? - вырвалось у нее, и она почувствовала, как сердце колотится где-то в горле. Она оторвала руку от кружки и накрыла его ладонь. Слабо сжала и улыбнулась. - У каждого теперь своя жизнь, но я... вижу, что она тебе не нравится, что тебе тяжело. А я... я просто постараюсь быть рядом, если ты позволишь.

Договорив свою речь, из-за которой все может закончиться, она снова закусил губу и опустила глаза. Что же, если он сейчас уйдет, то она останется здесь. Она не сможет бросить Кимики. Она не будет больше влезать в его жизнь, но продолжит заниматься воспитанием дочери. Наверное, это будет неправильно, но ни за какие богатства мира она не бросит дочь.

- Как папа? Ты с ним часто общаешься? Как его новая девочка? - Спросила Яреци чуть погодя. С папой она общалась только посредством сообщений, уже несколько месяцев не слышала его голос и не видела его. Но она знала, что папа часто звонит Тору и разговаривает с ним. Но Яреци предполагала, что общается он с Тору только

из-за того, что у того осталась Кимико. Он очень любит свою внучку. Она вздохнула.

Тору Мотидзуки

Если своим "я соскучилась" Яреци легко смогла выбить его из колеи, то предложение сойтись снова добило Тору окончательно и, не найдя сразу что ответить он предпочел уцепиться за вопросы о Моррисе.

- Переживает, - Тору решил ничего не скрывать и не попытаться представить ситуацию в более светлых тонах, чем это было на самом деле. - Но справляется. Хлопот у него сейчас хватает, но, как я понял, отношения с приемной дочерью у него хорошие. - В другое время ему было бы интересно наблюдать, как Япония все глубже проникает в жизнь Морриса, но сейчас мужчина был занят немного другими вопросами, один из которых так и продолжал висеть в воздухе.

- Что же до остального... - Тору снова ненадолго замолчал, прежде чем продолжить, - я не хочу возвращаться к тому, что было. Меньше всего на свете я желаю видеть, как рядом со мной страдает любимая женщина. Но, видимо, делаю что-то не так. Я не помню, чтобы пытался сделать домохозяйку из тебя или Харуки чего-то запрещаю или пытаюсь навязать какой-то образ жизни. Но, по факту, имею два развалившихся брака. Наверное, из меня действительно не получается хорошего мужа, так что не стоит продолжать мучить друг друга. Тем более сейчас, когда ты начала получать именно то, что хотела, но не видела возможности реализовать все это рядом со мной.

Тору много раз задавал себе вопрос, что именно делает не так, раз отношения с самыми важными женщинами повторялись в своей пугающей сути. И если в случае Харуки он долгое время винил ее отца, душившего дочь представлениями о том, какой должна быть японская жена, против чего она не смогла выступить до самого развода, то с Яреци все было иначе. Здесь не имелось возможности приплести чье-то дурное влияние, а значит проблема крылась в нем самом, пусть Тору так до конца и не нашел ее корня.

Яреци Фернандез

После слов Тору в груди появилось какое-то неприятное чувство, вроде боли. Девушка просто кивнула и прикрыла глаза, а потом допила кофе, который остыл и стал отвратительным и безвкусным. Она не знала, что сказать на его речь, но поняла, что все закончилось. Все закончилось еще тогда, когда он простил ее после того случая в горах. Наверное, она сама была во всем виновата, просто влюбившись в человека.

Семь лет назад... уже прошло семь лет... Она влюбилась в своего одноклассника. Она подарила ему рисунок на день рождения, а он... при ней порвал его, да еще и высмеял, сказав, что у нее нет таланта. Она очень тяжело переживала разлуку с ним, и ей казалось, что жизнь кончена. Жизнь была закончена. И она не знала, что бы делала, если бы не пробуждающиеся способности к ментальной магии, разрешение мамы и папы уехать в монастырь... и сейчас она снова наступила на те же грабли. Она влюбилась. Пять лет назад она влюбилась в Тору, сначала побывав с ним на одном занятии, а потом и вовсе столкнувшись у дуба.

Влюбляться нельзя. Она больше ни в кого не влюбится.

Зато сразу в голове начали возникать новые мрачные образы. Она напишет еще несколько картин, а потом... что будет потом? Он будет с ней дальше разговаривать только из-за Кимико или папы. Потом они как-нибудь разведутся, и снова будут разговаривать о Кимико. У них нет даже общих тем для разговоров.

- Хорошо. Я рада, что у него все хорошо. Надеюсь, новая дочка будет его радовать. И новая жена тоже, - с обидой и раздражением в голосе сказала девушка, внезапно ощутив, как на глаза наворачиваются слезы.

Папа даже не поздравил ее с днем рождения, только написал сухое сообщение. И на выставку он не пришел. И даже не написал, как она прошла. Все, кто ей был дорог и кого она любила, отвернулись от нее. Она виновата. Потому что она глупая истеричка.

- У тебя скоро будет день рождения. Давай сходим куда-нибудь, отметим? - Спросила она и быстро вскочила со стула, чтобы налить себе чаю. Вообще, больше она не хотела ничего пить, но нужен же был какой-то повод не показывать ему слезы. Она уже несколько месяцев не плакала, но тут стало как-то противно и одиноко. Она предала близких людей. Она стала размешивать ложечкой сахар, которого там не было.

Тору Мотидзуки

Тору плохо представлял, каких слов он ждет от Яреци. Но, наверное, где-то в глубине души надеялся, что девушка сможет опровергнуть его идеи, как несоответствующие действительности. Намного проще было бы понимать, что они просто друг друга где-то не поняли. А раз не поняли, то, возможно, могли бы понять, каким бы безумным это сейчас ни казалось. Но нет. Яреци кивнула, показывая, что принимает его слова, и тем выражая свое с ними согласие. И от осознания своей правоты на душе стало еще противнее, чем было. Настолько противно, что Тору предпочел бы снова валяться пьяным где-нибудь перед дверью, чем сидеть здесь, в этой давящей атмосфере безысходности.

- Яреци, ты же понимаешь, что мы не сможем отметить мой день рождения так, как это было раньше? - Предложение девушки после всего, что было сказано до этого стало по ощущению чем-то вроде ножа, попавшего под ребро. - Не сможем веселиться и радоваться? А вместо этого станем думать о том, что потеряли и причинять себе и другу другу боль?

Этот разговор давался Тору нелегко, но, наверное, он должен был рано или поздно состояться, чтобы расставить все по своим местам и избавить их обоих от нелепых фантазий, которые, несмотря на доводы разума, так или иначе продолжали приходить в голову.

Яреци Фернандез

Она тыльной стороной ладони стерла слезы, а потом посмотрела на кружку с чаем. Хмыкнула и отпила немного горячего напитка. Обожгла губы.

- Хорошо, - пожала она плечами и повернулась к нему. Поставила кружку на столешницу и вздохнула. Протерла лицо руками. Скоро надо собираться в институт. На первую работу она не пойдет сегодня. И все продолжится как обычно. Как было эти несколько месяцев.

- Я не считаю, что все проблемы в тебе. Я уже сказала, что мы виноваты оба. Но... - она закусила губу. - Знаешь, я не уверена, что все это получилось бы, не будь тебя в моей жизни. Я благодарна тебе за все, что ты для меня делал и делаешь, и я... мне на выставке было очень страшно, но я... поняла, что без тебя не смогла бы ни написать ни одной нормальной картины, ни поступить в институт. Ни... поверить в себя. Как бы ни сложилась наша жизнь, я... буду всегда помнить о тебе и хранить воспоминания о тебе в сердце. Даже если мы никогда не будем вместе.

Она слабо улыбнулась и с трудом удержала себя, чтобы не обнять мужа. Потому что ей было очень скучно без его объятий, и она, увидев его пьяного на лестничной клетке, подумала, что у них может случиться близость. К сожалению, этого не произошло. Она вздохнула.

- Спасибо, что навестил меня, - пробормотала она, думая, что это было лишнее. Но в любом случае, надо двигаться дальше. Нужно готовиться к сессии и решать, что делать с сертификатом. Если его можно отдать кому-нибудь, то будет хорошо. А если он именной, то... Она не хочет бросать дочь и мужа одних. И забирать дочь она не хочет. Не потому, что не справится, а потому, что Тору будет одиноко, если у него не будет рядом Кимико.

Тору Мотидзуки

Смотреть на Яреци было нелегко. Но и долго отводить глаза Тору тоже не мог. В конце концов, он был мужчиной, а не мальчиком и должен был вести себя соответствующим образом, особенно после слов, которые ему непросто было произнести, а Яреци, наверняка, услышать. Только вот видеть лицо, хорошо знакомое, но какое-то совсем другое и влажные глаза, оказалось очень и очень нелегко. А когда ко всему этому еще добавились и благодарности в его адрес, Тору показалось, что его и вовсе принялись выворачивать наизнанку, прекрасно демонстрируя, почему он до этого старался ограничивать контакты с женой и разговаривать с ней на темы, касающиеся только Кимико и каких-либо формальных моментов.

- Яреци... - повинаясь порыву Тору прихватил тонкие пальцы женской руки, находящиеся близко от его собственных, и чуть сжал. - Не надо. Я же живой, и от таких слов могу наделать глупостей. И как мы потом будем все это разгребать?

Сказать по правде, он и сам не знал, какую реакцию на свою просьбу прекратить, надеяться увидеть. Но это царившее на маленькой кухонке напряжение увеличилось до таких размеров, что грозило каким-либо образом прорваться наружу, и Тору не мог дать никаких гарантий за последствия, если это все-таки произойдет.

Яреци Фернандес

Когда Тору схватил ее руку, она вздрогнула и сглотнула. По телу пронесся какой-то разряд, и если бы это был мультяшник, то наверняка где-то позади нее что-то

задымилось. Но это была жизнь, и ничего не задымилось, и девушка вздохнула. Хотелось сесть на колени Тору, обнять его, прижаться щекой к его щеке, поцеловать в губы, наконец. Хотелось, чтобы ничего этого не было. Хотелось все оставить в прошлом. И постараться собрать эти разрушенные мосты. Быть вместе. Не ради Кимики, а потому, что им так хорошо и спокойно.

- А может сейчас все будет иначе? Ты привлекателен, я чертовски привлекательна. Не отрицай, что тебе было скучно без меня. Мне было одиноко. Да мне и сейчас одиноко, любимый. Я все еще люблю тебя и хочу тебя. Давай попробуем хоть с чего-то начать.

Она говорила какую-то чушь, которая была в голове, но которую мозг не хотел обдумывать. Эти слова могли его оттолкнуть, но она искренне надеялась, что он примет это.

Немного подумав, она села на его колени и обняла за шею. А потом осторожно поцеловала в губы. Сердце забилося где-то в районе горла.

Тору Мотидзуки

Тору не считал себя умственно неполноценным, но когда его просьба не давить на больное привела к совсем иным результатам, нежели он предполагал изначально, почувствовал себя последним дураком. По большому счету, он сам и спровоцировал Яреци на сомнительные слова и действия и теперь должен был решить, что со всем делать, когда на его коленях появилась девушка, имеющая на его счет вполне себе определенные интересы.

- Яреци, - Тору все-таки нашел в себе силы прервать поцелуй еще в самом его начале. - Ты уверена, что нам стоит идти на поводу у чувств и желаний? Ведь все это может вернуться к тому, от чего мы ушли.

Тору прекрасно понимал, что самым правильным сейчас было бы снять девушку с колен, поблагодарить ее за чай и бежать в свою пустую квартиру, пока эмоции не взяли верх и не перечеркнули всего, что было достигнуто за последние месяцы, пусть эти достижения и были более чем сомнительными. Но вместо этого, наоборот, обнял Яреци в ответ, понимая, что если та продолжит гнуть свою линию или даже просто задержится у него на коленях, то он не сдержится и поддастся искушению. Причем искушению не только физического характера, но и желанию хотя бы каким-то образом быть рядом с женщиной, которую должен был оставить в прошлом, но по которой продолжал дико скучать.

Яреци Фернандез

- Неужели тебе нравится страдать? - Спросила девушка, глядя в его глаза. - Мне надоело быть одной. Надоело, что из-за всего этого папа не хочет со мной разговаривать. Надоело коротать вечера в одиночестве и отвечать на вопрос Кимики, что мы никогда не будем вместе. Да мне все надоело, Тору! Я просто хочу быть с тобой! Неужели это так сложно просто быть вместе, спать вместе? Или... - она не смогла продолжить, почувствовав, что может произнести какую-то чушь. А если она произнесет какую-то глупость, то он уйдет. И все вернется к старому. Он и так хотел уйти. Она не была уверена, что он остался бы, если бы она не села на

колени к нему. Ей нужно быть упорной, но постараться не навязываться. И... ей надо любить его. И оберегать.

А еще у нее были корыстные цели. Не всегда на мероприятиях и выставках может быть ее дядя. И не всегда она просто так сможет дать пощёчину какому-то типу, который будет к ней приставать. Ее однажды чуть не изнасиловали, пусть она сама была в этом виновата. Но... если сейчас рядом с ней будет Тору, то к ней никто никогда не пристанет. А еще она поняла, что если он сейчас уйдет, то ей, чтобы он забыл, придется воспользоваться этим сертификатом. Тогда она больше никогда не увидит дочь и мужа, не услышит папин голос и не сможет вернуть все то малое, что было, пока они были счастливы.

- Давай согрешим? Моя кровать хоть и не такая широкая, как в нашем доме в монастыре, но при желании можно будет уместиться. Мы худые, - сказала она, улыбнувшись и поцеловала Тору в губы.

Тору Мотидзуки

Вопрос по поводу страданий из уст Яреци, которая временами воплощала собой вселенскую скорбь, вогнал Тору в легкий ступор. Все происходящее вообще не поддавалось никакой логике, поэтому мужчина какое-то время не знал, как реагировать на слова жены, в итоге только пробормотав:

- Вот кто бы говорил.

Желания объяснять Яреци, почему все перечисленное действительно сложно, у него не имелось. Тору мог назвать более десятка причин, по которым им не стоит быть вместе, но просто продолжал молчать, понимая, что своим молчанием только все сильнее запутывает и теряет пути к отступлению. Ну а девушка, наоборот, времени терять не стала, обрисовав свою позицию и, что самое главное, быстро перейдя от слов к действиям.

- Вообще, нас раньше не останавливало даже отсутствие кровати. Да и до греховности здесь далеко, раз мы женаты, причем всеми возможными способами. - Развивать тему в промежутках между поцелуями Тору посчитал гиблым делом, как и пытаться сопротивляться, когда к нему после долгого перерыва снова прижималось гибкое горячее тело Яреци. А потому, ему только и оставалось, что капитулировать под напором женщины, которую он продолжал считать своей женой, и постепенно начать перехватывать в поцелуях инициативу, одновременно с этим нацеливаясь на одежду, без которой девушка должна была стать еще привлекательнее.

Яреци Фернандез

- Ну, если мы начнём всё сначала, то до грехопадения будет тоже недалеко, - улыбнулась девушка, нежно прошептав ему это на ухо и слабо укусив за мочку уха. Она совершенно не представляла, к чему это приведёт, но не хотела даже думать о том, что будет через несколько минут, а может часов. Хотя она и так представляла, что будет - он уйдёт, они не будут общаться. Потом, через неделю, он поедет в аэропорт, чтобы встретить ее папу и дочь (она вообще даже не в курсе, когда там папа собрался возвращаться сюда), и они будут снова разговаривать только о Кимико. Отвратительно. Сейчас она не хочет, чтобы это когда-то наступило.

- Может быть, мы пойдём всё-таки на кровать, и ты избавишься от этой одежды? Она... она уличная, а на кровати нельзя спать в уличной одежде. Вот надел бы халат, и всё было бы хорошо. И мне бы не нужно было расстёгивать твои надоедливые пуговицы.

Последнюю фразу она проворчала, занявшись расстёгиванием непослушных почему-то и очень маленьких пуговиц на его рубашке. А потом встала с его колен и направилась в комнату, не сомневаясь, что он пойдёт за ней. Она была уверена, что он тоже хочет этого. Она сняла футболку и осталась в шортах и бюстгалтере, которые надо было снять. Не самой же, пусть он поможет. Сердце стучало где-то в районе горла. И был где-то далеко небольшой страх, что сейчас хлопнет входная дверь. Она замерла и напряглась.

Тору Мотидзуки

По мнению Тору, до грехопадения им с Яреци было еще очень далеко, хотя их мысли о том, что из себя представляет грех, могли сильно различаться. Но рассуждать на эту тему сейчас не хотелось, да и вообще, в данную минуту разговоры казались чем-то лишним и неуместным. Как и переживания девушки по поводу одежды, заставляющие думать, вместо того, чтобы просто чувствовать. Но, в каком-то смысле, эти хозяйские нотки в голосе жены, говорящей, что и как правильнее делать, напомнили Тору то время, когда они были вместе, и которое казалось утерянным безвозвратно.

Когда Яреци слезла с колен и отправилась в сторону кровати, приглашая последовать за ней, Тору почувствовал, как на кухне словно резко похолодало. И в какой-то момент в голову снова начали приходить трезвые мысли, напрочь исчезающие, когда он мог ощущать тепло женского тела. Сейчас все еще можно было прекратить, побороть свои желания и уйти, не втягивая их обоих в круговорот болезненных отношений. И для этого нужно было просто взять себя в руки и выйти за дверь, не оглядываясь назад. Решительно и без сожалений, как он делал всегда и собирался делать впредь...

Тору поднялся со своего места, посмотрел в сторону входной двери и сделал глубокий вдох, принимая окончательное решение, чтобы уже через секунду направиться в сторону комнаты, где скрылась девушка. Рубашка отправилась на пол еще по дороге, позволяя ему сразу прижать Яреци к своей груди, признавая окончательное и бесповоротное поражение. И пусть Тору не верил в чудеса и надуманные счастливые финалы, сейчас он просто хотел любить свою женщину всеми известными ему способами и не задумываться, к чему это приведет в будущем.
